

„Я вас любил...“. А в восьмом классе я говорил „Боже мой, Пушкин!“, бегая по дому. Кошка пряталась за печку и следила за мной своими вертикальными зрачками. Я ронял книгу и, закрывая глаза, падал на пол, на медвежью шкуру — „в пустыне мрачной я влачился“... Явился шестикрылый серафим, и что он сделал со мной?»

Словом, на современном этапе развития советской культуры проблема изучения творчества Пушкина далеко выходит за границы русистики и истории русской литературы. Это же положение справедливо отнести к Гоголю, Некрасову, Толстому, Чехову, Бунину, Тургеневу, Лермонтову, Блоку, Горькому, Маяковскому... Процесс влияния русской литературы на национальные захватывает и творчество современных мастеров слова — Шолохова, Твардовского, Федина, Леонова, Паустовского и мн. др.

Русская классика является одной из тем школьного преподавания, и потому каждый будущий национальный писатель идет от ее освоения к ее использованию в своем творчестве. Таким образом, в творческой личности автора находят преломление обе стороны того процесса, который определяется как взаимообогащение русской и национальной культур.

В наиболее обобщенном виде проблема может быть сформулирована так: в каких формах в индивидуальном творчестве национального писателя сказывается использование художественного опыта русской литературы? Разумеется, речь идет не о слепом копировании образцов, а о творческом использовании этого опыта. А отсюда, в свою очередь, возникает немало сложных вопросов, которые ставит сама современная художественно-литературная практика перед филологом. Например: как отражается освоение русской классики в языке, стиле и в жанровых исканиях национального писателя? В каком динамическом взаимодействии в области языка и стиля находится использование данного опыта с поэтикой, традициями и нормами того национального языка, на котором пишет автор? Как влияет художественное слово национальных литератур на развитие и совершенствование национальных языков с учетом подобных факторов? Каков национально-культурный статус творчества писателей-билингвов и как иноязычная литературная практика (в том числе и самопереводы писателей) соотносится с понятием индивидуального языка и стиля писателя?

Ответы на эти вопросы требуют серьезных и многосторонних разысканий лингвистов и литературоведов. Причем при их разрешении, как нам представляется, нецелесообразно заранее устанавливать рубеж между лингвистическими и литературоведческими исследованиями и «распределять» отдельные участки проблем. Однако нельзя не сказать, что активизация подобных работ отмечается в области литературоведения [21—23], тогда как лингвистические аспекты разрабатываются далеко недостаточно.

Один из общих принципов изучения этих процессов касается соотношения, с одной стороны, национального языка и национальной культуры, а с другой — соотношения русского языка и национальной (т. е. нерусской) культуры. Как свидетельствует ряд работ последних лет, между национальным языком и национальной культурой нет абсолютной зависимости. Суммируя взгляды исследователей этого вопроса, И. Б. Джафаров опровергает точку зрения, согласно которой национальная специфика в художественном творчестве может быть выражена исключительно средствами родного языка писателя. И. Б. Джафаров анализирует данный вопрос применительно к переводам и к русскоязычному опыту национальных авторов: «Общеизвестно, что в хороших переводах литературные произведения сохраняют национальную самобытность. Не перестает быть национальным произведение, созданное на другом языке. Писатель, пишущий на русском языке, находясь в гуще своего национального бытия, национально-образно выражает его особенности. Опыт писателей и поэтов подтверждает, что тематика и проблемы, отражающие сугубо национальную специфику и являющиеся материалами для создания художественного про-